

Путь к «сосредоточению» и «старинной правде»

¹ Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а;

² Дагестанский государственный университет народного хозяйства; Россия, 367008, г. Махачкала, ул. Д. Атаева, 5; zanita_kam@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются критические отзывы Ап. Григорьева о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, содержащиеся в рецензии, написанной на публикацию книги Гоголя, в письмах, адресованных писателю, и в более поздних работах критика. Рассматривается вклад Григорьева в изучение и оценку гоголевского творчества в рамках историко-литературного контекста. Особое внимание уделяется близости позиций писателя и критика в идеологических и литературных спорах того времени. Григорьев смог дать книге Гоголя оценку, свободную от идеологических и эстетических пристрастий и предрассудков, чему способствовали его методы анализа переписки, учитывающие взаимосвязь между формой и содержанием художественного произведения, эволюцию творчества и мировоззрения писателя, религиозные взгляды автора, историческую эпоху.

Ключевые слова: критика, натуральная школа, скептицизм, автор.

«Выбранные места из переписки с друзьями» с конца прошлого века часто привлекают к себе внимание исследователей, пытающихся трезво и, по возможности, не предвзято осмыслить эту необычную книгу и осознать ее место в творчестве Гоголя и в истории русской литературы. Подход к этому произведению в XX веке [1–4] существенно отличается от реакции современников, когда только несколько известных критиков дали положительные отзывы на произведение Гоголя. И в их числе – Ап. Григорьев, опубликовавший в четырех номерах «Московского городского листка» свою статью «Гоголь и его последняя книга».

Б. Ф. Егоров настаивает на том, что критик нашел в книге настроения и идеи, созвучные его собственным в то время: «Автору рецензии оказалась очень близка скорбь писателя по поводу мельчания, раздробления современного человека, да и жизни в целом («натуральная школа» трактуется именно как утверждающая дробность и ничтожество «маленького» человека). Григорьев цитирует из «Выбранных мест...» строки, которые долго потом будут его лозунгом: «Все теперь распылилось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка стал всякий человек» <...> Хорошо осознавая свои недостатки, прекрасно зная, насколько он сам бывал «расшнурован», Григорьев, наверное, воспринимал инвективы Гоголя и как направленные в свой адрес, потому, полный раскаяния и желания «собраться», горячо защищал книгу Гоголя в целом, хотя и говорил мельком о странностях и перегибах писателя» [5, с. 35].

Григорьев сам прямо заявляет об этом в письме к Гоголю: «Тот, кто имеет честь писать к Вам эти строки, принялся читать Вашу книгу, находясь сам в болезненном душевном состоянии»; «много и тяжело было передумано над Вашею книгою – и вероятно, не одним мною; я же лично, может быть, был приготовлен к ней моим собственным душевным настроением» [6]. Примечателен и выбор Григорьевым цитаты из

«Выбранных мест» в качестве эпиграфа к своей статье: «И понятною тоскою уже загорелась земля; черствее и черствее становится жизнь; все мельчает и мелеет, и возрастает в виду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится в Твоем мире!» [7, с. 169].

Но не только созвучность идей гоголевской книги тогдашнему душевному состоянию Григорьева определяет содержание отзыва. После статьи «Гоголь и его последняя книга» критик в своих работах не раз обращался к творчеству Гоголя и к загадке его художественного гения. В 1848 году он пишет Гоголю три письма, а спустя свыше 10 лет – статью «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина...», и на этом вклад Григорьева в исследование гоголевского наследия не исчерпывается. Нельзя не обратить внимание на некоторые повторяющиеся у критика, иногда дословно, тезисы, что, безусловно, свидетельствует об их принципиальной значимости для автора.

Во-первых, Григорьев рассматривает последнюю книгу Гоголя в русле общего историко-литературного развития. В самом начале статьи критик делает очень обязывающее заявление: переписка представляет собой едва ли «не самый важный вопрос нашей литературы в настоящую минуту не только сама по себе, но и по отношению к партиям, в которых этот вопрос нашел себе различные ответы» [7, с. 169]. Проблема оценки гоголевской переписки, таким образом, представляется Григорьеву намного шире, нежели просто вопрос об эстетических либо идеологических пристрастиях. Это вопрос всей «нашей литературы».

В рецензии Григорьев обращает внимание на особенную позицию писателя, который стоит вне всяких партий, и его последняя книга, а также реакция на нее, продемонстрировали это. Гоголь, по мнению Григорьева, боролся «за вечную истину» и был не понят всеми. Поэтому же и в письме к писателю критик настолько высоко оценивает гоголевское послание читателям, что ставит его, по сути, в один ряд с проповедованием учения Христа, используя в качестве примера и аналогии послание апостола Павла (1 Кор. 1:22–24): «то было озлобление не против Вас, а против самой Божьей правды, ея же мир не может прияти: книга Ваша была здесь только поводом. Но вместе с тем эта книга стала Иудеем соблазн, Еллином – безумие, разумея под Иудеями, книжниками и фарисеями – всех устарелых ханжей и лицемеров, которые, под прикрытием священных для человека слов, ловят в мутной воде рыбу, а под Еллинами – наших смешных западников, отчаянных нововводителей» [6]. Эта отсылка к 1 посланию Коринфянам вместе с неоднократным упоминанием слов «истина» и «правда» говорят том, как глубоко и чутко Григорьев отозвался на попытки Гоголя честно обращаться со словом.

А. А. Блок настойчиво и эмоционально указывал на несправедливое, по его мнению, невнимание к творчеству Ап. Григорьева и призывал открыть «Гоголя, нового Гоголя, не урезанного Белинским»: «прочтите его книгу без «западнических» шор, и вы многое поймете по-новому. Откройте, наконец, вместе с Гоголем его благоговейного истолкователя Аполлона Григорьева, и убедитесь наконец, что пора перестать прозевывать совершенно своеобычный, открывающий новые дали русский строй души» [3, с. 27]. Блока справедливо расстраивал такой подход к творчеству и Гоголя, и Григорьева – ограниченный рамками некоей (причем, что важно, – любой!) выбранной идеологической установки, когда сформировавшиеся критерии оценивания не позволяют в полной мере понять авторский посыл.

Есть определенное сходство между гоголевской позицией, избегающей всяких крайностей («односторонности», по определению самого Гоголя), и мировоззрением Григорьева, которого Блок характеризует как не только не «стоящего под знаком «пра-

вости» и «левости», но представляющего собой «явление более сложное, соединение, труднее разложимое»: «Как при жизни, так и после смерти Григорьева о глубоких и серьезных его мыслях рассуждали всё больше с точки зрения «славянофильства» и «западничества», «консерватизма» и «либерализма», «правости» и «левости». В двух соснах и блуждали до конца века; а как эти мерила к Григорьеву неприложимы, понимание его и не подвигалось вперед» [2, с. 489].

Это же относится и к позиции Гоголя, его «способу» мышления. Нельзя не согласиться с мнением современного исследователя Е. И. Анненковой, которая подчеркивает, что, при всей многомерности гоголевского творчества, связях между идеями Гоголя и его современников, писатель всегда строил «свою концепцию, не претендующую на абсолютную новизну, однако явно дистанцирующуюся от чужого знания» [1, с. 215].

Чтобы правильно понять книгу Гоголя, Григорьев предлагает сосредоточить внимание не на удивившем всех «успокоительном» гоголевском «разрешении» некоторых вопросов (в том числе и об отношении к собственному творчеству), а на «созерцании того пути», по которому писатель прошел до него, так как именно в этой эволюции можно найти объяснение этой книге. По мысли Григорьева, переписка является вполне закономерным результатом творческого пути писателя. При этом критик учитывает историко-литературный контекст произведения, говорит о «современном значении искусства, которое сошло с своих прежних ходуль, совлеклось с туманного нимба, существует для всех и каждого, дает в себе часть всем и каждому». В числе центральных идей и мотивов в духовном самосознании современной ему эпохи Григорьев называет идею индивидуума, личности: «И умственное отчаяние заставило уцепиться, как за доску спасения, за истину личную или вообще за личность» [7, с. 170]. Делая обзор предшествующего творчества Гоголя, призванный пролить свет на специфику «странной» книги-переписки, Григорьев называет в качестве доминирующих такие особенности гоголевского художественного мира, как аналитичность («аналитик человеческой пошлости», «величайший аналитик личности», «Гоголь взглянул оком аналитика на этот быт»), внимание к крайним «точкам обмеления», «оскудения человеческого»: «Страшные лица, страшные степени падения...».

На этом пути раскрытия-разоблачения человеческих характеров в творчестве Гоголя, как считает Григорьев, постепенно утрачивался, угасал присущий писателю «лиризм вдохновенный»: «Раз пошел по этому пути, раз взявшись за скальпель, поэтшел, не изменяя своему направлению, хотя сначала еще, так сказать, боролся с ним, еще не заглушил своего личного ропота, <...>, тот лиризм вдохновенный». В «Записках сумасшедшего» «беспощадно, без всякого примирения, следится уже страшная мысль; в «Ревизоре» один смех только выступает честным и карающим лицом» [7, с. 176].

Между тем в «Мертвых душах», которые «суть последнее слово всей предшествовавшей деятельности Гоголя...», Григорьев особенным образом выделяет «лирические места его поэмы», считая, что «предшествовавшая деятельность Гоголя делает их понятными – понятным, что поэт может не обещать только, но и действительно перейти к иным образам, – и степени человеческого просветления изображать точно так же свято и верно, как степени падения и обмеления; она делает, наконец, понятным появление последней книги Гоголя – этого строгого суда его над самим собою и над личностью, суда честного, но, разумеется, и болезненного» [7, с. 177]. В статье «Гоголь и его последняя книга» Григорьев противопоставляет гоголевскую художественную антропологию принципам изображения человека в натуральной школе, которая «увидела в Гоголе только оправдателя и восстановителя всякой мелочной личности, всякого ми-

роскопического существования» и «патологической истории о Голядкине-старшем» [7, с. 177].

Позже, в письме Гоголю от 17 ноября 1848 г. Григорьев будет сравнивать «Выбранные места» с другой книгой – романом «Кто виноват?»: «Как нарочно, вместе почти с Вашей книгою, явилась другая книга, наделавшая чрезвычайно много шуму...», – и удивляться: «Странно, в высшей степени странно было совместное появление этих двух книг, так противоположных по тону и по направлению». Их разнице «по направлению» Григорьев видит в решении вопроса «обязан ли я, и в какой степени обязан, ответственностью за все действия человек вообще и человек духа в особенности?». Роман Герцена, по мнению критика, развивает «ту основную мысль, что виноваты не мы, а та ложь, сетями которой опутаны мы с самого детства», затрачивая при этом много «ума, расточенного на отрицание высшего двигателя человеческой деятельности, свободы и сопряженной с нею ответственности» [6]. Гоголь же, представив в своем предшествующем творчестве «одну сторону всеобщей болезни» – «власть творимой силы множества над всяkim и каждым», – в то же время указал на другую сторону этого вечного вопроса: «в каждой личности отдельно таится еще злой и страшный недуг безволия, или, точнее сказать, рассеяния сил, потерявших в человеке центр, точку опоры» [7, с. 180]. «Величайшую заслугу книги Гоголя» Григорьев видит в том, что она «есть настоящий момент его духовного развития», что она задумана, чтобы «навести многих на мысль о едином, истинном для всякой личности, на мысль о сосредоточении, о сборании себя всего в самого себя» [7, с. 180]. Эта идея для критика настолько важна, что на ее фоне теряют значение все ограхи и «странные» гоголевской книги. В ней Григорьев видит противовес концепции личности натуральной школы, выразившейся в романе А.И. Герцена: «...человек – раб и из рабства ему исхода нет. Это стремится доказывать вся современная литература, – это явно и ясно высказано в «Кто виноват?» [6]. Гоголь же для Григорьева указывает человеку путь к «сосредоточению», сборанию «себя всего в самого себя».

О «тоне» «Выбранных мест» Григорьев высказывает следующим образом: переписка – это «простодушная, безыскусственная честная исповедь художника, который дорожит своим делом»; «как далека ее возвышенная искренность от этой грязи, от этого подлого пресмыкания, которое хотят нам выдать за любовь к отечеству и проч.»; она пропитана «пуритански-строгим, стоическим духом, следственно, тем же самым началом сосредоточения»; у автора, «дерзнувшего серьезно заговорить о значении жизни», «смиренное сознание», и он «так страдальчески, так задушевно смотрит на свое дело». Интересно, как оценивает критик роман Герцена, противоположный гоголевской книге «по тону и по направлению»: «книга действительно блестящая, остроумная, резко-парадоксальная». Все эти определения можно отнести и ко всем предыдущим творениям Гоголя, но в переписке Григорьев уловил принципиально другую интонацию автора – простодушие, строгость, безыскусственность и серьезность тона.

В современную для критика эпоху господства «всепримиряющего понятия гегелевского развития», когда «исчезла во многом и во многих вера в то, что / Издревле правда нам открылась / В сердцах высоких утвердилаась / Старинной правды не забудь» [7, с. 170], именно Гоголь, по мысли Григорьева, идет поперек этого течения, призывая сохранять и воспитывать в себе эту правду. Причем эта мысль настолько, по-видимому, важна для критика, что строки из стихотворения Гете он повторит спустя много лет в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина...», когда будет рассуждать о «сущности миросозерцания ... у всех истинных представителей литературных эпох» – у Гете, Пушкина, Шекспира и Гоголя.

Григорьев считает, что Гоголь, пережив (и переживая) «умственное отчаяние», крайнюю степень скептицизма, тем не менее выбирает для себя эти «простые вечные истины». Критик высказывает парадоксальную мысль о том, как близки на самом деле крайний скептицизм и вера: «Но я думаю, что тот, кто был скептиком серьезно, не для виду только, – не остановится ни перед какою бездною – сомневаться, так сомневаться уж во всем, даже в самом сомнении – от этого-то, мне кажется, в скептицизме лежит зачаток веры, ибо для того, чтобы усомниться в самом себе, надо поверить во что-нибудь выше себя» [6]. Реакцию на книгу Григорьев объясняет нежеланием публики выйти за рамки привычного мышления и восприятия и понять «добросовестное мышление» писателя: «...нам непонятно, что добросовестное мышление не в силах скрыть от себя и от других противоречий, которые так легко разрешит всякий, даже плохой софист, обманывающий себя на каждом шагу; нам непонятно, что можно дойти, наконец, на пути скептицизма и эгоизма до бездны, неудержимо поглощающей всякий конечный разум, по выражению одной старой книги; нам непонятно, наконец, и то, что в природе, ищущей правды, слово и мысль становятся уже делом» [7, с. 173].

При этом, выступая в защиту «Выбранных мест», Григорьев отдает себе отчет в том, что нашумевшее произведение далеко небесспорно – как с точки зрения содержательной, так и с точки зрения формы. Он многократно использует определение «странный» в отношении этой книги: «эта странная книга Гоголя», «эта странная переписка», «мысль Платона <...> звучит нам как-то странно», «довольно странны советы Гоголя хоть, например, одной даме, разделить все доходы на семь кучек и т. д., но в совете этом странна только форма», «все это странно, потому что по болезненности момента, в котором находится Гоголь, приняло странные формы», «страннысть формы даваемых <...> советов», «советы эти <...> странны и нелепы в своей форме», «странныя болезненная неясность» завещания, «страннысти выражений» Гоголя, «странные советы помешику». Даже в приводимой А. Григорьевым выдержке из «рецензии г. Губера, помещенной в 35-м номере «С.-Петербургских ведомостей», слово «странный» встречается три раза: «странный, но самостоятельный характер» произведений Гоголя, «странныя, удивительная книга» – о «Выбранных местах», «странные, замысловатые» статьи в переписке».

И много позже Григорьев повторит это определение гоголевской книги в другой своей статье 1859 г. «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина»: «Здесь мы оставляем нравственную, лично-человеческую сторону, забываем странное смешение признаний нравственных с эстетическими: берем эти места как материал, бросающий ясный свет на процесс художнического творчества, о чем Гоголь, разумеется, не думал в своей странной книге» [8].

Интересно, что А. А. Блок, говоря уже о восприятии самого Григорьева в критике XIX века и обращая внимание на распространенную в тот период оценку Григорьева, использует то же слово: «Долгое время почтенные критики находили его «странным» (другого слова многие из них – увы! – до сих пор не могут придумать). Он ...странен? – А не странен кто ж? Тот, кто на всех глупцов похож!» [2, с. 489]. И писатель, и более вдумчиво прочитавший его критик, не умеющие обманывать, прежде всего, себя, оказались странными на долгое время.

В том, что порой современниками воспринималось как оскудение гоголевского таланта, наивность или недомыслие, Григорьев, напротив, видит плоды интенсивной умственной и духовной жизни. Блок призывал воздать должное Григорьеву именно за оценку «Выбранных мест»: «Белинский заметил только болезнь; Белинского услышали и ему поверили «все». Но среди этих «всех» не было одного: молодой Аполлон Григо-

рьев сразу понял, какие «страшные духовные интересы» составляют содержание этой книги <...> Раз мы издаем письмо Белинского к Гоголю отдельной брошюрой, не грех было бы также издать письма Григорьева к Гоголю. Право, они не менее содержательны, чем письмо Белинского» [3, с. 28].

Григорьев не торопится, подобно многим, выносить приговоры Гоголю, стремясь показать свое «превосходство» над «странныстями», «чудачествами» или «предательством» писателя. Он смотрит на книгу как на закономерный результат творческого пути всей жизни Гоголя. Показательна в этом плане предложенная самим Григорьевым формулировка своего методического подхода – «созерцание» «того пути», который привел писателя к этой книге. Результатом «последней степени отчаянья скептицизма» Гоголя, по мнению критика, становится возврат к древним и простым истинам, «старинной правде» «в бесхитростной простоте». Обращение к 1 посланию апостола Павла в одном из писем Григорьева Гоголю при обсуждении реакции на «Выбранные места» во многом объясняет мировоззренческие основы трактовки гоголевской переписки критиком. Кроме уже процитированных нами выше высказываний из этого текста есть другие, также проясняющие позицию, раскрывающие нравственный фундамент понимания Григорьевым произведения Гоголя: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. Ибо написано: «погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну».

Подводя некоторые итоги в исследовании рецепции Григорьевым «Выбранных мест из переписки с друзьями», можно заключить, что критик смог дать книге Гоголя оценку, свободную от идеологических и эстетических пристрастий и предрассудков [9–12]. Этому способствовали методы анализа переписки, учитывающие взаимосвязь между формой и содержанием художественного произведения, эволюцию творчества и мировоззрения писателя, социокультурный контекст, религиозные взгляды автора [10; 11; 13], а также настроение и взгляды самого критика, во многом близкие Гоголю. В «Выбранных местах», например, писатель призывал к «реабилитации» отдельных русских авторов: «Чтение наших поэтов может принести много публичного добра. У них есть много прекрасного, которое не только совсем позабыто, но даже оклеветано, очернено, представлено публике в каком-то низком смысле, о котором и не помышляли благородные сердцем наши поэты» [14, с. 235]. Григорьев в своих отзывах о спорной книге Гоголя отчасти повторяет этот путь, предлагая отнести к «странной» книге и ее автору с доверием и уважением.

Литература

1. Анненкова, Е. И. Гоголь и русское общество. Санкт-Петербург, 2012.
2. Блок, А. А. Судьба Аполлона Григорьева // А. А. Блок Собр. соч.: в 8 т. Москва; Ленинград, 1962. Т. 5. С. 487–523.
3. Блок, А. А. Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве // А. А. Блок Собр. соч.: в 8 т. Москва; Ленинград, 1962. Т. 6. С. 27–28.
4. Воропаев, В. А. Гоголь в последнее десятилетие его жизни: новые аспекты биографии и творчества: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1997.
5. Егоров, Б. Ф. Аполлон Григорьев. Москва, 2000.
6. Григорьев, А. Письма. Серия: Литературные памятники. Москва, 1999. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/author/grigorev-apollon-aleksandrovich/grigorev-apisma-download-373427.html> (дата обращения: 14.03.24).

7. Григорьев, А. А. Гоголь и его последняя книга // Н. В. Гоголь: pro et contra. Т. 1. Серия: Русский Путь. Русская христианская гуманитарная академия. Москва. 2009. С. 169–187.
8. Григорьев, А. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Пушкин. – Грибоедов. – Гоголь. – Лермонтов. – Режим доступа: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/grigorev-vzglyad-na-russkuyu-literaturu.htm> (дата обращения: 14.03.24).
9. Виноградов, И. А. Славянофильство и западничество в споре о поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: невостребованное и забытое // Два века. 2020. № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/slavyanofilstvo-i-zapadnichestvo-v-spore-o-poeme-n-v-gogolya-mertvye-dushi-nevostrebovannoe-i-zabytoe> (дата обращения: 20.02.2024).
10. Гончаров, С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом аспекте. Москва: Юрайт, 2021.
11. Воропаев, В. А. Нет другой двери... О Гоголе и не только. Москва: Белый город, 2019.
12. Манн, Ю. В. Гоголь. Завершение пути: 1845–1852 годы. Кн. 3. – 2-е изд., перераб. и доп. Москва: РГГУ, 2013.
13. Франк, С. Л., Цыганков, А. С. Николай Гоголь: русский провозвестник христианского обновления жизни // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-gogol-russkiy-provovzvestnik-hristianskogo-obnovleniya-zhizni> (дата обращения: 20.02.2024).
14. Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. Т. 8. Статьи. 1952. / подгот. к печати Л. М. Лотман // Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений: в 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952. С. 213–418.

Поступила в редакцию 19 мая 2024 г.
Принята 3 июня 2024 г.

UDC 821.161.1

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-3-102-109

The Road to “Concentration” and “Ancient Truth”

K. K. Dzhafarova^{1,2}

¹ Dagestan State University; 367000, Russia, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;

² Dagestan State University of National Economy; Russia, 367008, Makhachkala, D. Ataev st., 5; zanita_kam@mail.ru

Abstract. The article examines A. P. Grigoriev's critical reviews of N.V. Gogol's "Selected places from correspondence with friends", contained in a review written for the publication of Gogol's book, in letters addressed to the writer, and in later works of the critic. Grigoriev's contribution to the study and evaluation of Gogol's work within the historical and literary context is considered. Special attention is paid to the proximity of the positions of the writer and the critic in the ideological and literary disputes of that time. Grigoriev was able to give Gogol's book an assessment free from ideolog-

cal and aesthetic predilections and prejudices, which was facilitated by his methods of analyzing correspondence, taking into account the relationship between the form and content of a work of art, the evolution of the writer's creativity and worldview, the author's religious views, and the historical epoch.

Keywords: Criticism, the natural school, skepticism, author.

Received 19 May, 2024

Accepted 3 June, 2024